

КРОКОДИЛ

Бор. Ефимов - 42.

Рис. Бор. Ефимова

КРУШЕНИЕ ПЛАНОВ

— Мой фюрер! Ваш приказ о вступлении в район Сталинграда выполнен. Но вот вопрос: как оттуда выбраться?

Иностранная хроника в частушках

Гитлер спорит с Риббентропом
Каждый день, с часов шести:
Как порядок по Европам
Легче новый навести?

Гитлер хочет все дубы
Порубить и — на гробы;
Предлагает Риббентроп
Заказать всеобщий гроб:

«Это будет очень грубо —
Сделать все гробы из дуба,
Предлагаю: общий тип
С окантовкою из лип!»

«Для подобной мебельцы
На подходит это:
Пригласи-ка Геббельса,
Спросим-ка совета!»

Гитлер Геббельса спросил,
Что он рот перекошил.
У красавца слезы градом:
Подался Сталинградом.

Сообщает Триполи:
«Здесь снега повыпали», —
А земля у Калача
Задымилась, горяча.

Всюду в мире беспорядки.
Вся материя из дыр —
Стянут новые заплатки
На коричневый мундир.

Как ты, Гитлер, ни тянись
И на Дон и на Тунис,
На гляди воякою:
Станешь раскорякою.

Есть запрос от Роммеля:
«Нету войска кроме ли?
Наши шансы в Ливии
Ваших не счастливее:

У пехоты нет охоты
Под огонь такой идти.
Нас повсюду самолеты
Настигают на пути!»

Гитлер Геббельса спросил:
«Вновь ты рот перекошил?»
Геббельс Гитлеру в ответ:
«Хочешь — любишь, хочешь — нет!»

Так сидят они втроем,
Собираясь с мыслями,
Мы их нынче застаем
С рожами прокислыми!

Н. АСЕЕВ

В ОСВОБОЖДЕННОЙ СТАНИЦЕ

Рис. Л. Бродаты

Скорая помощь на Дону.

ЗАКОННАЯ ГОРДОСТЬ

(На заседании правления орудийных заводов Круппа)

Рис. В. Горяева

— О высоком качестве изготавливаемых нами пушек можно судить по тому, что русские охотно расхватывают их. Только в районе Сталинграда ими захвачено до полутора тысяч орудий.

Пестрые заметки ✓

БОЙКИЙ старичок, старший продавец галантерейного отдела одного из московских универмагов, беседует с покупателями:

— Вот вы, друзья, толкуете о внимании. Целиком и полностью согласен с вами. Внимание к человеку — это лучший витамин.

Я вот старый человек, а тоже рад вниманию. Сидишь это вечером дома, пьешь горячий чай и вдруг из репродуктора: «Внимание, внимание! Передаем сообщение Совинформбюро. В последний час». Приятно становится на душе.

Я тут же бужу свою старуху:

— Кузьминишна! — кричу я, — «Внимание, внимание!»

Она у меня хотя и охотница поспать, но строго-настроено приказала:

— Обязательно потревожь меня, как только услышишь: «Внимание!»..»

* * *

В троллейбусе на улице Горького. Рядом с кондукторшей сидят двое — пассажир в железнодорожной форме и пассажир в очках. Уже третья остановка, как они горячо спорят:

— Вот читайте. В газете прямо сказано: «Нашими частями занят город Калач».

— Правильно сказано. Но только я должен добавить, что этот Калач под Сталинградом, а есть еще один Калач, под Воронежем. Насчет Эль-Агейлы или Аждабаби могу в подробности не знать, а Калачи у меня все на ладони.

— Ну, и что же из этого?

— А то, что вы путаете один Калач с другим.

Вмешивается кондукторша и кладет конец дискуссии:

— О чем разговор, граждане? Все Калачи будут наши!..

* * *

— Получил интересное письмо от сына, — рассказывает кассир сберкассы сослуживцам. — Он у меня сержант. Сейчас находится под Сталинградом. Вложил в конверт копии неотправленных писем двух убитых немецких сол-

дат. Какой-то фриц по имени Густав пишет жене:

«Дорогая Эльза, получил от тебя известие, что скоро семья наша увеличится. Но предупреждаю: сын мне ненужен. Нет! Если будет мальчик, я сам переломлю ему ноги еще задолго до призыва в армию. Пусть лучше будет калекой от руки отца. Хватит для нашей семьи и того, что вижу я здесь под Сталинградом. И ради чего мы полезли сюда?»

А второй фриц пишет такое:

«Дорогая жена! Моли господ бога за наше спасение. Сегодня я тебе пишу, а завтра не знаю, что со мной случится. Моли господ бога, чтобы он мне помог, ибо я нахожусь на Сталинградском фронте. Наша жизнь здесь похожа на полевой цветок: ветер клонит его, роса падает, и редко-редко пригреет лаской своей солнышко, а потом все же цветок падает наземь, увядает, гниет...»

Кассир вложил письмо в конверт и сказал:

— Перед гибелью в поэзию ударился, сукин сын, Гитлеровский цветочек...

Стоявшая тут же старуха, уборщица тетя Варя, добавила:

— А насчет бога пускай его дамочка не очень беспокоится. Бог правду давно знает: я ему в прошлое воскресенье про этих иродов все в точности рассказала.

* * *

Молодежное собрание в цехе одного крупного московского завода. Открывая собрание, председатель говорит:

— Сегодня несколько товарищей опоздало на собрание. Это — недопустимое явление. Никогда нельзя опаздывать. Я знаю только один случай, когда человек правильно опоздал. Когда этому человеку за опоздание, может, и орден дадут. Хотите расскажу?

Дело было недавно. Дело было в городе Сталинграде. В Н-ской гвардейской части было собрание комсомольцев. Секретарь комсомольского бюро Михайлов, парень серьезный и требовательный, предупредил всех ребят:

— Чтoб не было ни одного опоздавшего! Ясно?

И, конечно, все явились минута в минуту. Все, кроме одного человека. Кроме самого Михайлова.

Опоздал Михайлов почти на час. Это, конечно, — безобразие. Он должен всем показать пример — и вдруг такое разгильдяйство.

Но вот долгожданный секретарь явился. На него посыпался град упреков.

Михайлов, очень смущенный, начал оправдываться:

— Извините, товарищи, я действительно виноват, но была уважительная причина. Шел я на собрание... То есть не шел, а полз. И вот ползу я через одну улицу и вдруг слышу рядом где-то застрекотали немецкие пулеметы.

Я укрылся в развалины одного здания, посмотрелся и заметил, что в соседнем уцелевшем доме засели фрицы и ведут оттуда сильный пулеметный огонь. Я переполз к этому дому и проник в первый этаж. Здесь я спрятался за дверью. Потом приготовил гранаты и...

Короче говоря, фашистские пулеметы замолчали. Уничтожил я одиннадцать фрицев вместе с офицером. Я бы все-таки не опоздал, но пришлось ползти с четырьмя захваченными пулеметами в штаб. Пока полз туда и обратно, — вот и опоздал...

Затем Михайлов уже совершенно официально объявил:

— Итак, собрание считаю открытым...

* * *

Трамвай тронулся с места. На площадке вагона старушка с «завоськой» говорит парню в рыжей меховой тужурке:

— Эй, герой! Это ты меня в бок толкнул и полез в трамвай?! Спасибо, молодец, за ласку. Хотя бы для ради сегодняшнего праздника постыдился бы!

Парень состроил гримасу:

— А я, тетка, не знал, что праздник. Забыл посмотреть в твои святцы.

— Да не в святцы смотри, а в газету: сообщение с фронта.

Эх, ты!..

Г. РЫКЛИН

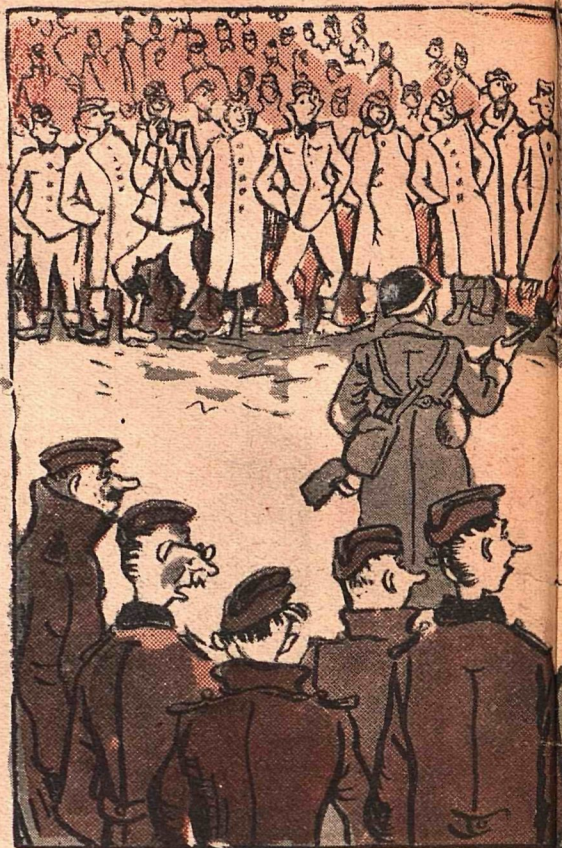
Смотри дальше самую веселую страницу в номере

Рис. Б. Клинка

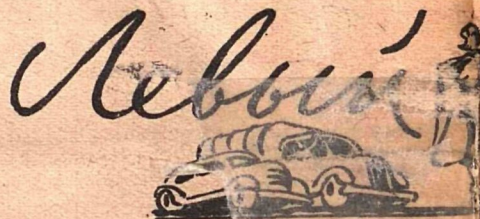

— Мы были так близко от Грозного, что запах нефти бил в нос.
— И, видно, здорово бил! У тебя даже нос перевязан.

Рис. Б. Фридкина

— Смотри, Ганс, наше

ВОЗМОЖНО, что вы действительно ничего не знаете о Марусе Заваловой. Но зато она известна решительно всем в нашем северном портовом городе. Да и не только у нас: в Нью-Йорке и в Глазго, в Филадельфии, Балтиморе и Ливерпуле не одно сердце покорено Марусей.

Не знала ничего о Марусе лишь Вася Лобачев, моторист с грузового теплохода «Роза Люксембург», который только что вернулся из заграничного плавания.

Познакомился он с ней в интерклубе моряков. Ему сразу приглянулась она вся—высокая, плавная в танце. И голос ее понравился ему—такой грудной и звучный. И на глаза ее обратил внимание Вася Лобачев: большие, серые, ясного цвета глаза, в которые хотелось смотреть долго, не отрываясь. А еще Вася разглядел очень милую вдавленную на слегка приподнятой верхней губе и уютные ямочки на свежих, круто выведенных щеках и на нежном подбородке. Словом, товарищи, было что тут разглядеть...

Но Вася Лобачев долго разглядывать не стал. Он улучил момент, когда в радиоле меняли пластинки и негр-кочегар с американского транспорта посадил Марусю на место; тут Вася и предложил Марусе следующий вальс танцевать с ним. Девушка поблагодарила, но сказала, что придется подождать: она обещала уже два танца другим.

— Может, талюнички на очередь к танцу выдадите? — спросил несколько ущемленный Вася.

— Мне и так верят, — просто сказала девушка, — а если у вас плохая память, то, конечно, можете записать номер себе где-нибудь. Пришлось переждать два танца. Сперва с

Марусей танцевал бородатый ирландец с английского миноносца, затем — совсем молодой летчик из американской миссии. «Союзничков тут, я вижу, у меня хватает», — подумал Вася. Он начал утешать себя, что девушка уж не так чтоб очень собой интересная была. Он даже обрадовался, когда обнаружил, что она немножко курноса. Но, увы, скоро ему и нос понравился... Подошел еще один американец, чтобы пригласить Марусю, но она, поислав глазами в зале, нашла Васю Лобачева, улыбнулась и сама подошла к нему.

— Эх, танцевать с вами — роскошь, — наговаривал Вася в розовое ухо девушки, — руля слушаетесь. Маневрировать с вами легко.

Девушка раскраснелась и стала еще лучше. Вид у вас, Маруся, очень изящный. Глядеть на вас просто-таки хорошо, — говорил Вася, любящий своей просто, но красиво одетой партнершей.

— Ну и глядите на здоровье!
— Благодарю за разрешение. Я тут что выразить хотел... Очень чересчур много сейчас женского пола по казенной арматурке ходит. А иная обмундируется: сапоги с набойками, штаны, — и сидит на ней эта самая форма, как на корове галифе, извиняюсь...

Они разговорились. Девушка слушала очень внимательно, широко раскрыв свои большие серые глаза. Потом взглянула вдруг на часы и забеспокоилась:

— Уй! Пол одиннадцатого... Мне пора. Нет, нет, не надо! Вы оставайтесь.

— Да мне мало радости без вас оставаться.
— А я говорю — нет... Если хотите, приходите завтра сюда.

Так было и на другой день. До половины одиннадцатого Маруся танцевала с Васей Ло-

бачевым, а потом опять решительно заявила, что ей пора уходить, и запретила провожать ее.

Так они встречались каждый вечер в интерклубе. Пока «Роза Люксембург» чинилась после тяжелого похода, Василий подрабатывал шофером в порту. И каждый раз ровно в половине одиннадцатого девушка Маруся покидала клуб. В конце-концов эта таинственность начала изводить Васю. Однажды он услышал как Маруся говорила из будки автомата кому-то по телефону: «Ты сегодня в ночной смене? Так загляни, если будет время, около двенадцати, на угол Морской, ладно? Жду».

— Так. Со свиданием, значит, — мрачно протянул Вася, дождавшись, когда Маруся выйдет из будки автомата. — Смотрите, не опоздайте! Скоро одиннадцать.

— Это я с подружкой стоваривалась.
— И что же? Подходящий парень?
— Кто?
— Вот этот самый, который «подруга»?
— Смешной вы!
— Куда уж смешней! Дурак дураком!
— Василий, милый... Потом, когда вы больше меня узнаете, вы все поймете.

Работа в порту шла всю ночь. Срочно разгружался прибывший караван транспорта. Вася Лобачев работал на пятитонке. Он и рочно проезжал через перекресток на Морской улице. Там он останавливал свою машину просил грузчиков обождать минуточку и внимательно проглядывал перекресток. Но ничего не видно было Маруси и очастливого васинского соперника. От ревности и обиды Василий махнул рукой на все правила движения, гнал машину с недозволенной скоростью. И когда перекрестке светофор долго не открывал

го полку прибыло!..

— Вы добровольно сдались в плен, господин обер-лейтенант?
— Нет, нас на это подбили русские.

Поворот

своего зеленого глаза, он со зла сделал запрещенный левый поворот. В ту же секунду раздался пронзительный милицкий свисток. С фонариком в руке к пятитонке подходил поставой.

— Ну, чего такое? Нашел время придирки строить! — начал Василий с профессиональной готовностью к пререканиям.

— Товарищ водитель, почему выезжаете на красный свет? И здесь нет левого поворота. Ваши права?

Но Василий сидел, не шелохнувшись. Он сразу узнал этот грудной девичий голос. В мягком свете северного сияния перед ним стояла Маруся Заводова в полной милицеской форме, в сапогах, с револьвером в кобуре, с сумкой противогаса через плечо... Василий с треском захлопнул дверцу кабины, нажал стартер и сразу перевел тяжелую машину на третью скорость. Сзади отчаянно заливался милицкий свисток.

— Ну и ну! — бормотал про себя Василий, резко ворочая баранку руля.

Он живо представил себе, как гуляет по Морской улице под ручку со своей Марусей-милиционером, а сзади идут ребята с «Розы» и кричат вдогонку: «Попал Вася, повели! Прощай, друг, пиши письма! Жди передачу!»

Внезапно в порту завывала тревожная сирена, послышался рокот моторов. Светящиеся столбы прожекторов качнулись в небо. Закричали паровозы на станции. В гавани затрубили пароводные гудки. «Как — кому! Как — кому! Как — кому!» — четко проговорила зенитка.

Два часа длился налет. Северное сияние растворилось в зареве. Тысячами искр лежало зарево и на мостовой, покрытой мелкими осколками стекол, растолченных в хрусталь-

ную пыль. Потом объявили отбой. Начало медленно светать. На улицах появились люди. И Василий, садясь в машину, которую он вывел из переулка, где ему пришлось отстаиваться во время бомбежки, услышал, как два шедших мимо моряка говорили между собой:

— На Морской-то тяжелую бросил. Знаешь, на углу, где Маруся стояла.

— Стой, браток, какая Маруся?! — не своим голосом закричал Вася.

— Какая Маруся?.. Ты что, друг, вместе с фугаской с неба упал, что ли? Какая Маруся?.. Мало она, что ли, вашего брата — шоферов — штрафует? Какая Маруся?..

Но Вася уже ничего не слышал. Он яростно вертел ручку остывшего мотора. И как только машина, вздрогнув, заурчала, он впрыгнул в кабину и помчал пятитонку к марусиному перекрестку. Через десять минут он был там. Резко притормозив, Вася выскочил из машины и не узнал разрушенной улицы... Но в мутном, полном дыма и копоти, тревожном рассвете он разглядел знакомую фигуру в милицеской шинели, и сейчас стоявшую там, где он оставил ее ночью. Значит, жива! Цела!.. Он зашел сзади, тихонько приблизился и робко коснулся рукой отсыревшего сукна милицеской шинели.

— Маруся, — неуверенно начал он, — вы меня, Маруся...

Фигура в шинели резко повернулась, и на Василия уставилось набрякшее лицо с мохнатыми, обвисшими усами, похожими на лапшу...

— Что желаете, гражданин?

— Извиняюсь, — не сказал, а скорей выдохнул Василий. — А Маруся как?.. Живая? Она гут стояла...

— Сроду она тут не стояла... — сурово сказал поставой и обиделся. — Пора бы знать, где

Маруся стоит. Вас бомби — не бомби, а из башки Марусю никак не выбьешь. Заладили! Уже четвертый спрашивает... Вон на том углу Маруся вашей пост.

Когда Василий подъезжал к марусиному перекрестку, через улицу переходили английские и американские моряки. Одернув плотно охватывавшие их крепкие фигуры темносиние рубашки и свитеры, они чинно обходили девушку, и каждый вежливо приветствовал ее:

— О, Ма-Русса... Корошо!

— Маруся, — сказал Василий, — вы меня извините, конечно, что я там в клубе насчет сапогов плел. Вам и так хорошо, в этом виде.

А у нее было очень усталое лицо, все в копоти. Она ничего не сказала Васе. Только улыбнулась.

Скоро пришла ей смена. Василий взял ее под руку: она шаталась от утомления. Он посадил девушку в кабину, рядом с собой, и повел машину со всей нежностью, на какую способен влюбленный шофер. И она скоро заснула, доверчиво положив голову в милицеской фуражке ему на плечо. Василий вел машину с необыкновенной осторожностью, объезжая все канавки. Пятитонка шла словно на цыпочках. И стоявший у дверей управления порта боцман с «Розы Люксембург», узнав Васю, пробормотал:

— Гляди-ка, Лобачев-то с поставым в обнимку едет. Верно, опять левый поворот сделал. Тю, да то никак Маруся?.. Ай, моряк!.. Кто же это кого забрал — не разбери-поймешь: она его или обратно — он ее?..

ЛЕВ КАСИЛЬ

— Где же самая веселая страница?
— Терпение!.. Она будет дальше.

МУССОЛИНИ: — Кажется, это — теперь единственное во всей Италии безопасное место.

МЕТКИМ УДАРОМ

(По столбцам красноармейской печати)

ПУТЕВЫЕ ИЗДЕРЖКИ

— Не знаете ли, господин Шульц, сколько стоит поездка в Киев?
 — Кому — как. Мне она стоила сравнительно не дорого: я потерял руку, ногу и глаз.
 («Боевая красноармейская»)

ОБЫЧНОЕ ДЕЛО

— Ты слышал, Джузеппо, в Америке наднях поднялся в воздух сверхмощный бомбардировщик?
 — Подумаешь! У нас в Генуе наднях поднялся в воздух весь авиазавод.
 («Боевая красноармейская»)

ОТБИЛИ

Фриц: — Вчера мы три раза в контратаку ходили.
 Ганс: — Ну и что? Отбили?
 Фриц: — У меня руку, у Курта ногу, а у Карла голову.
 («В бой за родину»)

САМОУБИЙЦА

— Слышал, Ганс? Обер-ефрейтор Фурункель покончил самоубийством.
 — А как именно?
 — Представь себе, высунул голову из окопа... Какой ужас!
 («За честь родины»)

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПО-НЕМЕЦКИ

— Какие меры прикажете принять в отношении грабежей?
 — Самые решительные. Всех, кто будет сопротивляться нашим солдатам, вешать.
 («В бой за родину»)

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

— Фриц Вернер, чем вы занимаетесь?
 — Я изучаю русский язык.
 — Каковы же ваши успехи?
 — Я выучил уже одно слово.
 — Какое?
 — «Сдаюсь!»
 («На страже родины»)

ЗАДАЧНИК

Задача № 1. 50 немецких танков наступали на Сталинград.
Вопрос. Сколько килограммов железного лома соберут в этот день сталинградские комсомольцы?
Ответ. Столько же, сколько весит один немецкий танк, помноженный на 50.
Задача № 2. Генерал фон Шайзе поклялся в день своего рождения — 6 сентября — войти в Сталинград. Генерал имел 8 пехотных дивизий, 2 танковых и 1 похоронное бюро.
Вопрос. Сколько лет исполнится генералу фон Шайзе 6 сентября 1947 года?
Ответ. 5 лет со дня его смерти.
Задача № 3. Немецкий карательный отряд, имея на руках 40 автоматов, отправился в деревню Д. для расправы с партизанами.
Вопрос. Сколько новых автоматов досталось партизанскому отряду деда Архипа?
Ответ. 40 автоматов и один обер-лейтенант.
 («Родина зовет»)

Проблема заплаты

ГОРЕЛКИНО, 8 декабря. (Спец. корр. Крокодила). Сегодня при местном совете с участием виднейших специалистов района состоялось совещание, посвященное вопросу об открытии ремонтно-пошивочной мастерской. Совещание, продолжавшееся непрерывно почти семнадцать часов тридцать восемь минут, прошло в исключительно деловой атмосфере. Передаем краткое содержание наиболее интересных выступлений.

ПОДМЕТКА КАК ТАКОВАЯ (Из доклада предрайсовета В. П. Плохина)

...В самом деле, товарищи, что получается? Получается, что когда у тебя отлетает подметка, ты остаешься, как без рук. Буквально стыдно становится; когда для починки сапог приходится ездить в областной центр. Тем самым мы загружаем транспорт излишними перевозками и вынуждаем людей неделями находиться в длительных командировках. Я сам в октябре просидел без дела десять дней в гостинице областного центра в ожидании буквально одной заплатки на правом ботинке. А ведь я за эти десять дней мог бы горы перевернуть.

Вот почему мы решили поставить ребром вопрос о создании производственной точки, где население могло бы чинить свою обувь. Я знаю: товарищи будут ссылаться на трудности военного времени. Да, трудности в этом сложном деле неизбежно встретятся, но мы можем

и должны их преодолеть. (Бурные аплодисменты.)

ЕЩЕ ОДИН ВОПРОС РЕБРОМ (Из речи председателя промкооперации Н. А. Мозыкина)

В своем блестящем докладе Василий Петрович со свойственным ему знанием дела обосновал необходимость создания в нашем районе ремонтно-пошивочной мастерской. Да, товарищи, вопрос этот назрел. Но это вовсе не значит, что мы можем завтра же или хотя бы через полгода разрешить его. В самом деле: что строить и как строить? Кустарничать в этом деле нельзя. Речь идет о сооружении крупных производственных корпусов со сложными механизмами.

Вот почему я предлагаю в первую очередь поставить ребром вопрос о сооружении у нас завода по изготовлению необходимых станков и агрегатов. Трудности в этом сложном деле будут — но мы можем и должны их преодолеть. (Аплодисменты.)

ГОЛОС ЖИЛИЩНОГО СПЕЦИАЛИСТА (Из выступления зав. жилотделом С. Н. Жлобина)

Я с глубоким волнением выслушал речь Николая Ананьевича. Поднять ремонтно-пошивочную мастерскую в условиях военного времени — вещь действительно нешуточная. Дело не только в помещении. Дело в квалифициро-

ванных кадрах. Их нет у нас, их надо готовить. А чтобы готовить, нужен специальный технический вуз.

Поэтому я предлагаю поставить ребром вопрос об открытии в нашем районном центре вуза на одну — две тысячи человек. Если и будут на этом пути трудности, мы можем и должны их преодолеть.

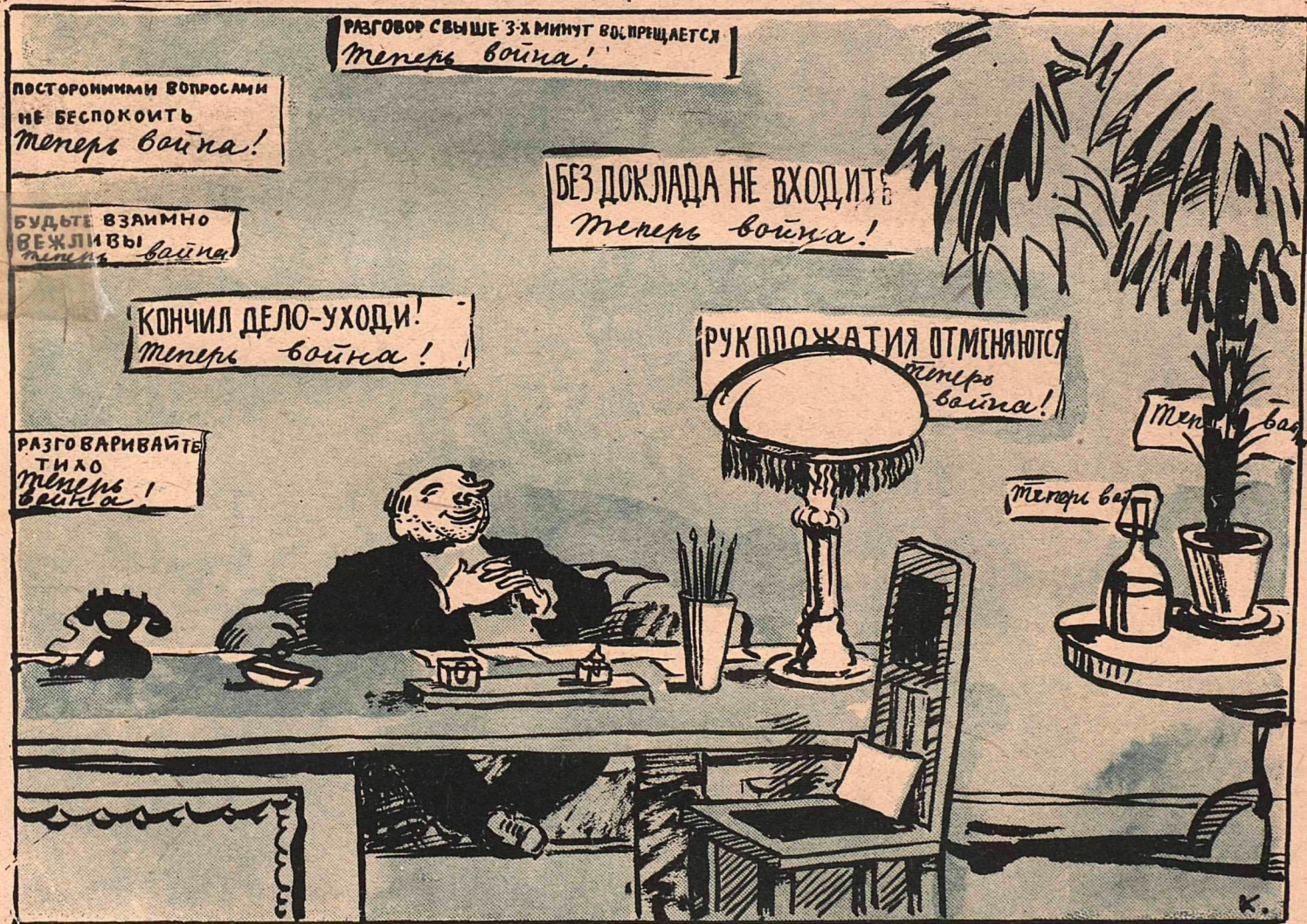
* * *

ГОРЕЛКИНО, 9 декабря, 3 часа ночи. (Молния от спец. корр. Крокодила). Только что закончилось совещание, ознаменовавшееся бурным инцидентом. После того как прения свелись к вопросу о том, где проложить трамвай к будущему вузу, который должен готовить кадры для проектируемой ремонтно-пошивочной мастерской, неожиданно выступил депутат райсовета тов. Архипов, который вызвался вместе с двумя другими, как он, пенсионерами-обувщиками в однодневный срок открыть мастерскую, если ему будет отведена комната в пустующем здании по Беговой улице, д. № 24. Инцидент закончился выделением тройки из пяти человек для подготовки предложений к новому совещанию, которое состоится в недалеком будущем.

Пользуясь перерывом, ваш корреспондент выехал в областной центр с целью отремонтировать свой износившийся левый сапог.

И. ВЕРХОВЦЕВ

Рис. А. Каневского

Иван Иванович Иванов перестроился на военный лад.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц. Над-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Рукописки не возвращаются

Москва. Изд. № 1068

Подп. к печати 7/ХІІ 1942 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 62118.

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 3365.

Тираж 135 000 экз.

24

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ

23 ДЕК 1942

✓ 2953

Рис. К. Елисева

Воск Ни Палат Получена

	ериод и серии	„Лет -ежензій“	урн. лет“
Получ. в рез.			
дан хри	24/12		

К. Елисева
42

Вот она, самая веселая страница в номере.